

МИСТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ
ПОХИЩЕННЫЕ
СЕРДЦА

Санкт-Петербург

УДК 821.111+821.111(73)+84(94)
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)+84(8Авс)
М 65

Перевод с английского
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой
Составитель Сергей Антонов

- © С. А. Антонов, составление, перевод, комментарии, 2025
- © В. Н. Ахтырская, перевод, 2025
- © Л. Ю. Брилова, перевод, 2025
- © А. М. Бродоцкая, перевод, 2025
- © А. В. Глебовская, перевод, 2025
- © А. А. Липинская, перевод, 2025
- © В. Б. Полищук, перевод, 2025
- © Н. Ф. Роговская, перевод, 2025
- © А. А. Рудакова, перевод, 2025
- © Е. О. Токарева, перевод, 2025
- © В. А. Харитонов (наследник), перевод 2025
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27312-2

ЛИКИ
ДРЕВНЕГО ЗЛА

Герберт УЭЛЛС

ПОЛЛОК И ПОРО

Первая встреча Поллока с поро, воином-жрецом из тайного союза, произошла в деревушке, расположенной на болотистом берегу в устье лагунной реки за полуостровом Тернера. В тех краях женщины славятся красотой — они принадлежат к народу галлинас с легкой примесью европейской крови, впрыснутой в жилы африканцев еще во времена Васко да Гама и английских работорговцев. Кстати, у поро, скорее всего, тоже имелась добавка европеоидной крови. (Забавно, если вдуматься, что кто-то из наших соотечественников мог бы отыскать родню среди людоедов острова Шербро или кровожадных всадников-софа.) Во всяком случае, он повел себя точь-в-точь как ревнивый итальяшка — всадил женщине нож в сердце и чуть было не отправил на тот свет Поллока, который едва успел дулом своего револьвера парировать молниеносный удар, нацеленный на его дельтовидную мышцу: нож отлетел в сторону, и пуля угодила туземцу в руку.

Поллок выстрелил снова и промахнулся, пробив в тонкой стене хижины новое окошко. В дверях поро резко пригнулся и гневно зыркнул на Поллока из-под руки. На фоне яркого прямоугольника солнечного света мелькнуло его запрокинутое вверх лицо — и потрясенный англичанин, еще дрожавший от нервного возбуждения, остался один в полумраке хижины. Все происшествие заняло считанные секунды — меньше, чем рассказ о нем.

Женщина была мертвехонька. Удостоверившись в этом, Поллок подошел к выходу и выглянул наружу. В глаза ударил осле-

пительный свет. Несколько экспедиционных носильщиков, сбившись в кучу возле своих шалашей, смотрели в его сторону с неммым вопросом: как понимать эту пальбу? За спиной у мужчин пролегла широкая черная полоса берегового ила, дальше — зеленая ковровая дорожка из папирусов и болотной травы, а еще дальше — свинцовая лента реки. На другом берегу, тая в голубой дымке, маячил мангровый лес. В деревне, словно приплюснутой к земле, за едва выступавшей над камышами оградой, никаких признаков беспокойства не наблюдалось.

Поллок опасливо выбрался из хижины и пошел к реке, то и дело оглядываясь. Но поро исчез. В руке Поллок нервно сжимал револьвер.

Один из носильщиков двинулся ему навстречу и, приблизившись, показал рукой на заросли кустарника позади хижины, в которых скрылся поро. Поллок и сам знал, что сваял большого дурака, но кто мог ждать такого исхода! Теперь хоть лопни с досады, ничего не исправишь. А главное, придется все рассказать Уотерхаусу — добродетельному, осмотрительному, до противного правильному Уотерхаусу, — который не упустит случая высказать ему свое неудовольствие. Проклятье! Будь оно все неладно — и его невезенье, и педант Уотерхаус, и особенно западный берег Африки! Лично он, Поллок, уже по горло сыт этой экспедицией... Одновременно в глубине его сознания не унималась тревога: куда мог запропасться чертов поро? Как сквозь землю провалился.

Возможно, читателя шокирует тот факт, что Поллок совершенно не расстроился из-за свершившегося на его глазах убийства. За последние три месяца, пока их лагерь стоял выше по течению реки Киттам, он видел столько зверств, мертвых женщин, сожженных хижин и высушенных солнцем трупов после набегов конницы софа, что чувства его притупились. Сейчас Поллока беспокоило только одно: как бы за этой неприятностью не последовали другие.

Обругав чернокожего, который посмел что-то спросить, Поллок вошел в палатку под апельсиновыми деревьями, где лежал Уотерхаус, с мерзким чувством провинившегося — ни дать ни взять школьник в кабинете директора!

Уотерхаус еще спал после приема хлородина. Поллок уселся рядом на ящик, закурил трубку и стал ждать, когда начальник проснется. Палатка была завалена оружием и утварью — всем, что Уотерхаус раздобыл у аборигенов-менди и еще не успел упаковать для отправки на каноэ в Сулиму.

Наконец Уотерхаус проснулся, потянулся, прислушался к ощущениям и решил, что, пожалуй, вполне здоров. Поллок налил ему чаю. За чаем, сперва поговорив о том о сем, Поллок описал инцидент с нападением.

Уотерхаус не просто высказал свое неудовольствие — он рвал и метал:

— Только законченные идиоты вроде тебя не считают чернокожих за людей!.. Стоило мне на один день заболеть, и ты угодил в очередную гнусную историю. Третий раз за месяц провоцируешь ссору с туземцем, и все тебе мало — теперь напросился на месть. Ухитриться перейти дорогу поро! Они давно уже точат на тебя зуб из-за того идола, на котором ты нацарапал свое дурацкое имя. Поро — самые мстительные черти на свете! Ты... ты позоришь цивилизацию. А еще из приличной семьи!.. Да чтобы я после этого снова связался с каким-нибудь бессовестным, безмозглым молодым прохвостом...

— Но-но, потише, — огрызнулся Поллок, — не надо нервничать.

От его непробиваемой наглости Уотерхаус прямо-таки поперхнулся. Он вскочил на ноги и, собрав остатки самообладания, отчеканил:

— Довольно, Поллок, с меня хватит. Возвращайся домой. Я и так нездоров, а из-за тебя...

— Побереги нервы, — оборвал его Поллок, уставившись в пространство перед собой. — Я сам не прочь уехать.

Уотерхаус немного успокоился и сел на походный табурет.

— Ладно. Я не хочу ссориться, Поллок, просто чертовски обидно, когда подобные выходки путают все твои планы. Так и быть, провожу тебя до Сулимы — прослежу, чтобы ты благополучно сел на корабль...

— Не надо, — буркнул Поллок, — как-нибудь сам доберусь. Поеду один.

— Недалеко уедешь, — мрачно заметил Уотерхаус. — Ты не знаешь законов поро.

— Я даже не знал, что эта девка — собственность какого-то поро. Откуда мне было знать? — накупившись, сказал Поллок.

— Да, не повезло тебе, но что сделано, то сделано. Хочешь ехать один? Давай! Посмотрим, как с тобой расправятся. Ты, видно, не понимаешь всевластия секты поро в этой стране. Поро здесь и закон, и религия, и конституция, и медицина, и магия... Поро назначают вождей. Наша инквизиция на пике своего могущества в подметки не годилась здешним шарлатанам. Твой приятель-поро легко может науськать на нас Авахале, местного вождя. Хорошо хоть наши носильщики из другого племени. Но лагерь все равно придется перенести... Черт побери, Поллок!.. В любом случае тебе надо уносить ноги, пока сюда не явился твой поро.

Уотерхаус задумался и, судя по всему, пришел к неутешительным выводам. Он взял ружье и, выходя из палатки, бросил Поллоку через плечо:

— На твоём месте я бы сейчас не высовывался. Пойду раз узнаю что да как.

Оставшись один, Поллок ударился в размышления.

— Я был рожден для цивилизованной жизни, — печально констатировал он, набивая трубку. — И чем скорее вернусь в Лондон или Париж, тем лучше для меня.

Взгляд его упал на запечатанную коробку, в которую Уотерхаус сложил купленные в стране менди отравленные стрелы без оперения.

— Жаль, прострелил мерзавцу руку, а не сердце или печень, — злобно пробормотал Поллок.

После долгого отсутствия Уотерхаус вернулся в палатку, но на расспросы Поллока отвечал скупно. По всей видимости, этот поро занимает высокое положение в тайном обществе. Деревня не осталась безучастной к происшествию, но опасности для экспедиции пока нет. Чертов колдун, несомненно, скрылся в буше. Он великий шаман.

— Разумеется, он что-то замыслил, — заключил Уотерхаус и надолго погрузился в молчание.

— Да что он может? — беспечно спросил Поллок.

— Надо выручать тебя из беды! Я нюхом чую: что-то варится, иначе все не было бы так тихо-мирно, — поразмыслив, сказал Уотерхаус.

Поллок спросил, что он имеет в виду.

— Например, пляску вокруг черепов, возле медного котла с воюющим варевом.

Поллок требовал подробностей. Уотерхаус отделялся общими фразами, Поллок настаивал. Наконец Уотерхаус потерял терпение и, когда Поллок в двадцатый раз спросил, что такого ужасного сделает поро, раздраженно воскликнул:

— Мне-то откуда знать! В хижине он попытался убить тебя без затей, если можно так выразиться. *Теперь*, насколько я понимаю, придумает что-то поизощреннее. Скоро увидишь. Я не хочу раньше времени пугать тебя. Возможно, все это глупые сказки.

Вечером, сидя у костра, Поллок снова начал исподволь подводить разговор к таинственным методам поро. Разгадав его хитрость, Уотерхаус устало сказал:

— Пойдем-ка спать, завтра нам вставать ни свет ни заря. И тебе нужно быть готовым ко всему.

— Ну хотя бы намекни — чего мне ждать от него?

— Понятия не имею. Поро — народ изобретательный. У них в запасе целая уйма трюков. Но об этом пусть лучше тебе расскажет наш бронзовый Шекспир.

В темноте за хижинами что-то вспыхнуло, следом раздался громкий хлопок — и над ухом Поллока просвистела глиняная пуля. По крайней мере, ничего загадочного, подумал Поллок. Сидевшие поодаль, вокруг своего костра, полусонные чернокожие и мулаты мигом вскочили на ноги, и кто-то наугад пальнул во тьму.

— Ступай в укрытие, — не шелохнувшись, тихо скомандовал Уотерхаус.

В круге света от огня Поллок выпрямился во весь рост и вынул револьвер. Открытого поединка он не боялся. Хотя... Кто окутан тьмой, тот одет в броню. Последовав мудрому совету Уотерхауса, Поллок ушел в палатку и лег.

Спал он урывками, всю ночь донимали тревожные сны. Сквозь сумбур сновидений назойливо проступал один посто-

янный мотив: перевернутое лицо поро, каким Поллок увидел его, когда туземец, покидая хижину, пригнулся и глянул назад из-под руки. Странно, что этот мимолетный образ так прочно засел в памяти. Кроме того, Поллока беспокоила непонятная боль в суставах.

Когда в белесой пелене раннего утра начали грузиться на каноэ, возле стопы Поллока откуда ни возьмись возникла торчащая из земли, еще подрагивающая стрела с шипами на древке. Носильщики без особого рвения прочесали близлежащие заросли, но никого не поймали.

После двух красноречивых предупреждений команда экспедиции явно склонялась к тому, чтобы держаться подальше от Поллока, тогда как сам Поллок впервые в жизни мечтал затеяться среди черномазых. Из двух больших каноэ одно Уотерхаус целиком отвел для себя, и Поллоку, несмотря на естественное желание скоротать время в пути за дружеской беседой с соотечественником, пришлось занять место в другом. Мало того что его усадили спереди и оставили там одного, Поллоку еще стоило больших усилий заставить туземцев — не питавших к нему ни малейшей симпатии — держаться середины реки, по меньшей мере в сотне ярдов от обоих берегов. Однако он все-таки уломал Шекспира, мулата из Фритауна, перебраться на его конец каноэ и рассказать о тайном союзе поро. После тщетных попыток отвертеться Шекспир исполнил просьбу белого — и не только без тени робости, но даже с известным вкусом.

Время шло. Каноэ проворно скользило по ленте лагунной реки между покачивающимися на воде плодами африканского фикуса, поваленными деревьями, листьями папируса и винной пальмы. Слева темнел болотистый мангровый лес; иногда с той стороны доносился рокот атлантического прибоя. Шекспир на своем странно смягченном, невнятном английском рассказывал про колдовские чары поро: как те наводят порчу и люди без видимой причины сохнут и угасают; как насылают страшные сны и демонов; как они до смерти замучили «сыновей иджебу»; как похитили из Сулимы белого торговца, который нанес обиду члену секты, и как выглядел труп этого белого, когда его обнаружили. После очередного сочного рассказа Поллок черты-

хался себе под нос: куда смотрят миссионеры, почему допускают подобные безобразия — и почему бездействуют британские власти, если взялись управлять дикарями в Сьерра-Леоне? К вечеру приплыли на озеро Каси, согнав с островка, где устроились на ночлег, десятка два крокодилов.

На следующий день экспедиция прибыла в Сулиму, и в воздухе повеяло морским бризом, но ближайшей оказии в порт Фритауна нужно было ждать пять дней. Рассудив, что Поллок теперь в относительной безопасности — и к тому же в зоне неоспоримого влияния британского Фритауна, — Уотерхаус простился с ним, а сам со всей своей командой двинулся назад в Гбемму.

В Сулиме Поллок близко сошелся с Перерой, единственным белым торговцем, постоянно проживавшим в этом городе, — настолько близко, что фактически не расставался с ним. Малорослый тщедушный Перера, португальский еврей, успевший какое-то время пожить в Англии, был немало польщен дружбой англичанина.

В первые два дня ничего особенного не происходило. Поллок и Перера часами дулись в наполеон (из всех карточных игр только эта была известна обоим), и Поллок задолжал Перере. Но уже вечером второго дня он получил весть о прибытии в Сулиму старого знакомого-поро, доставленную весьма неприятным способом: плечо ему расцарапал кусочек отшлифованного железа. Пульнули издалека, и самодельный снаряд растерял по дороге убойную силу. Тем не менее смысл послания был предельно ясен. Всю ночь Поллок просидел в гамаке, не выпуская из руки револьвера, а наутро в общих чертах поведал другу англо-португальцу о своих злоключениях.

Перера воспринял его признание более чем серьезно. Он хорошо изучил местные обычаи.

— Вы должны понимать: это персональная претензия. Личная месть. Он спешит, потому что вы уезжаете. Никакие черные и получерные не будут сильно мешать ему — пока не заплатите. Если случайно встретите его, стреляйте. Может быть, убьете. Хотя он тоже может убить. — Помолчав, Перера прибавил: — Есть еще одна вещь... магия, колдовство. Конечно, я в это

не верю... невежество, предрассудки... Однако не радует думать, что где-то далеко от вас в полнолуние черный человек пляшет вокруг костра и посылает вам дурные сны... Вам снятся дурные сны?

— Снятся, — признался Поллок. — Все время вижу перевернутую голову этого мерзавца — она ухмыляется и скалит зубы, точь-в-точь как тогда, в хижине... Голова придвигается ко мне вплотную, потом снова удаляется, почти исчезает вдали — и опять надвигается! В сущности, ничего страшного, но во сне я цепенею от ужаса. Странная штука — сны. Вроде как сам знаешь, что это только сон, а пробудиться не можешь.

— Наверное, просто фантазия, — подбодрил его Перера. — Еще мои негры говорят, будто поро любят посылать змей. Не видели недавно змей?

— Видел одну. Не далее как нынче утром убил гадину на полу возле гамака. Едва не наступил, когда вставал!

— А! — удовлетворенно воскликнул Перера, но, спохватившись, заверил товарища: — Конечно, случайное совпадение. Однако на вашем месте я смотрел бы в два глаза. Или вот другой знак — если кости болят.

— Я считал, что это из-за болотных миазмов, — удивился Поллок.

— Возможно, возможно. Давно болят?

И тут Поллок вспомнил, что впервые почувствовал боль в суставах в ночь после происшествия в хижине.

— Мое мнение, что он не хочет убить вас, — заключил Перера, — по крайней мере пока. Говорят, цель поро — запугать, отнять от человека покой через колдовство, и покушения, и приступы ревматизма, и страшные сны, и другие фокусы, чтобы он сам не хотел больше жить. Конечно, это только слухи, не обращайтесь внимания... Однако интересно, что еще придумает поро.

— Я должен первый что-нибудь придумать, — сказал Поллок, угрюмо глядя на колоду засаленных карт, которую Перера раскладывал на столе. — Такое положение для меня оскорбительно. Какой-то черномазый шарлатан будет ходить за мной по пятам, стрелять в меня, когда ему заблагорассудится, нарочно портить мне жизнь!.. Может быть, козни поро приносят неудачу в игре? — Он с подозрением посмотрел на Переру.

— Очень может быть, — добродушно согласился Перера, та-суя карты. — От поро всего можно ждать.

В тот же день после обеда Поллок убил двух змей, заползших в его гамак; кроме того, комнату наводнили полчища рыжих муравьев, прежде сравнительно малочисленных. До крайности раздраженный всем этим, Поллок решил сделать деловое предложение одному головорезу-менди, который давно был у него на примете. Менди предъявил Поллоку короткий стальной кинжал и продемонстрировал, как полагается перерезать горло, — от его демонстрации Поллока бросило в дрожь. Учитывая некоторые резонные опасения туземца, Поллок в качестве вознаграждения посулил ему двустволку с богато украшенным затвором.

Вечером, когда Поллок и Перера, по обыкновению, играли в карты, головорез-менди ввалился к ним с тюком из местной цветастой ткани, насквозь пропитанной кровью.

— Нет! — поспешно крикнул Поллок. — Не здесь!

Но было поздно: туземец, которому не терпелось получить от Поллока обещанную награду, уже развязал окровавленный тюк и сбросил на стол голову мстителя-поро. Прочертив на картах алую полосу, голова свалилась со стола на пол и откатилась в угол, где замерла макушкой вниз, устремив на Поллока свирепый неподвижный взгляд.

Едва мертвая голова шмякнулась на карты, Перера вскочил как ужаленный и с перепугу застрекотал по-португальски. Менди поклонился и, комкая в руке кроваво-красную тряпку, решительно потребовал:

— Ружо!

А Поллок, словно замороженный, все смотрел назад, на голову в углу: выражение мертвого лица было точно такое, как в его ночных кошмарах. Ему почудилось, что от этой картины у него в мозгу что-то щелкнуло.

Перера наконец вспомнил про свой английский:

— Вы приказали убить его?.. Вы не сами убили его?

— Еще чего не хватало! — ответил Поллок.

— Но тогда он не сможет это отменить.

— Отменить — *что?* — не понял Поллок.

— И мои карты испорчены!
— *Что* отменить? — снова спросил Поллок.
— Вы должны прислать мне новую колоду из Фритауна. Там продают карты.

— Ладно... Так что отменить?
— Ничего, обычное суеверие. Уже не помню. Негры говорят, что если колдун... он же был колдун... Ай, ерунда... Нужно было заставить поро отменить заклятье — или самому убить его... Глупости, конечно.

Поллок тихо выругался, по-прежнему не сводя глаз с головы в углу.

— Чего уставился?.. Это невыносимо! — Он подскочил к голове и пнул ее.

Она откатилась на несколько ярдов и снова замерла в прежнем положении — макушкой в пол, — с ненавистью глядя на него.

— Какой он страшный, — заметил англо-португалец, — просто урод. Они нарочно делают себе такие лица, для этого есть специальные маленькие ножи.

Поллок хотел было снова пнуть голову, но тут менди тронул его за плечо.

— Ружо? — повторил он, беспокойно озираясь на отрезанную голову.

— Два — если заберешь отсюда эту дрянь.

Туземец замотал головой и жестами объяснил, что ему нужно одно ружье, которое он заработал и которое с благодарностью примет. Ни уговоры, ни угрозы Поллока ни к чему не привели. К счастью, у Переры нашлось ружье, с которым он готов был расстаться (за тройную цену). Получив свое, головорез-менди удалился. Между тем взгляд Поллока против его воли снова обратился к жуткому трофею на полу.

— Удивительно, как голова все время стоит верхом вниз, — с натужным смешком заметил Перера. — Наверное, тяжелый мозг. Есть такие куклы — у них внутри свинец, поэтому не лежат на боку, всегда стоят. Унесите его, теперь не надо бояться. Карты испорчены... Во Фритауне один человек продает карты. Унесите сейчас, здесь уже как помойка. Вы должны были сами убить его.

Поллок собрался с духом и поднял мертвую голову. Он решил отнести ее к себе и немедленно похоронить: пока копает могилу, голова повисит на крюке для лампы.

Поллок был уверен, что подвесил голову за волосы, но, должно быть, впопыхах ошибся: вернувшись за ней, он обнаружил, что голова висит волосами вниз, а шеей кверху.

Перед закатом он закопал голову поро у северной стены своей хижины, чтобы в потемках, когда будет возвращаться от Переры, не идти мимо могилы. Укладываясь спать, Поллок убил двух змей. И посреди ночи его вдруг словно подкинуло: что-то негромко постукивало и скреблось по полу. Он бесшумно сел в гамаке и сунул руку под подушку, где лежал револьвер. Раздался грозно-ворчливый рык. Поллок выстрелил наугад. Кто-то пронзительно взвизгнул, и в синеватом дверном проеме мелькнула темная тень.

— Собака! — выдохнул Поллок, вновь опускаясь на подушку.

Проснулся он еще до рассвета от какого-то свербящего беспокойства. Опять эта ломота в костях. Некоторое время он смотрел в потолок на копошение рыжих муравьев. Когда стало понемногу светать, его взгляд скользнул за край гамака и остановился на полу: там смутно вырисовывалось что-то темное. Он отпрянул, да так резко, что гамак накренился и выкинул его на пол.

Всего в шаге от себя он увидел на полу голову поро, вырытую из земли собакой: нос сильно пострадал. Сейчас ее облели муравьи и мухи. По странному совпадению голова опять стояла верхом вниз, и в обращенных на него исподлобья глазах было прежнее дьявольское выражение.

Несколько минут Поллок сидел не в силах ни шевельнуться, ни отвести взгляд от кошмарного зрелища. Потом встал, обогнул голову — стараясь держаться как можно дальше — и выскочил наружу. Ясный свет зари, шелест листьев, последние ласковые дуновения ночного бриза с суши и пустая яма со следами собачьих лап — все это несколько привело его в чувство.

О своем новом приключении Поллок рассказал Перере как бы в шутку — так рассказывают страшные сказки.

— Зря напугали собаку! — заметил Перера, неубедительно вводя шутливому тону Поллока.

Следующие два дня, оставшиеся до парохода, Поллок провёл в попытках избавиться от докучного трофея. Преодолевая отвращение, он отнес голову к устью и бросил в лиман — считай что в море. Каким-то чудом она не стала добычей крокодилов, и ее вынесло приливом на илистый берег реки выше по течению. Там голову подобрал сметливый араб-полукровка: он напрямик направился к Поллоку и Перере и предложил им купить ее в качестве диковинного сувенира. Близилась ночь, араб все не уходил, постепенно сбавляя цену, пока ему отчасти не передан страх, который его товар почему-то внушал двум образованным белым людям. В конце концов он смирился с неудачей и, проходя мимо хижины Поллока, зашвырнул туда свою бесполезную находку, так что утром англичанина ждал сюрприз.

Поллок впал в настоящее иступление. Сколько можно это терпеть, надо сжечь проклятую башку! Недолго думая, он тут же, на рассвете, пока солнце не раскалило воздух, отправился в путь и, выбрав безлюдное место, соорудил погребальный костер. Его труды прервал гудок маленького колесного парохода, продвигавшегося по фарватеру в сулимском баре; пароход следовал из Монровии в Батерст. «Слава тебе Господи!» — возблагодарил небеса Поллок, когда до него дошел смысл спасительного звука. Дрожащими руками он поднес спичку к хворосту, бросил сверху голову и помчался укладывать саквояж и прощаться с Перерой.

Через несколько часов Поллок с чувством неимоверного облегчения смотрел, как плоское болотистое побережье Сулимы отдалается от него, на глазах сокращаясь в размерах. Фарватер, прорезавший длинную полосу прибоя, с каждой минутой становился все уже, пока пена не сомкнулась в сплошную белую линию, отсекая Поллока от всех его бед и тревог. Постоянный гнетущий страх начал мало-помалу утихать. В Сулиме, где воздух был насквозь пропитан верой в неодолимые злые чары духа Поро, Поллок и сам проникся суеверным ужасом перед великой беспощадной силой, от которой нигде нельзя укрыться.

Но теперь царство воинов-поро превратилось в ничто — в черную закорючку между морем и тающими вдали сизыми холмами страны менди.

— Прощай, поро, — промолвил Поллок, — прощай навек. И никаких «до свидания»!

Капитан вышел на палубу, остановился рядом с Поллоком, пожелал ему доброго вечера, свесился за фальшборт и сплюнул в пену за кормой — по-видимому, в знак того, что между своими церемонии ни к чему.

— Я тут на пляже подобрал одну диковину, — сообщил он, — никогда не подозревал, что в этой части океана развлекаются такими штуками.

— Любопытно, что бы это могло быть?

— Вяленая голова, — сообщил капитан.

— *Что?!*

— Человеческая голова... скорее копченая. Явно принадлежала одному из колдунов-поро — физиономия вся изукрашена насечками. Эй, что это с вами? Ничего? С виду не слабонервный, а вон как позеленели... Черт, дошло! Вы не выносите качки. Угадал? Прямо в лице переменялись, ей-богу!.. Да, так эта голова, про которую я начал рассказывать, оказалась со странностями. Я поместил ее вместе с разными гадами в банку со спиртом у себя в каюте — спирт всегда у меня под рукой для подобных курьезов, — и будь я проклят, если голова сама собой не перевернулась вверх тормашками! Эй, да что с вами?

Поллок издал дикий крик, вцепился себе в волосы и побежал к кожуху гребного колеса — не иначе как с намерением прыгнуть за борт, — потом вдруг опомнился и повернулся лицом к капитану.

— Эй, там! — гаркнул капитан. — Джек Филипс, смотри, чтоб он не приближался ко мне! Стоять! Ни шагу вперед, мистер! Что с вами творится? Вы в своем уме?

Поллок поднес руку к виску. Объяснять что-либо было бесполезно.

— Боюсь, иногда на меня находит, — виновато сказал он. — Головная боль. Ни с того ни с сего. Прошу великодушно простить. — Он был белый как полотно и весь в испарине.

В ту минуту Поллок ясно осознал, насколько рискованно давать окружающим повод усомниться в своем здравомыслии, и попытался как можно скорее вернуть расположение капитана: терпеливо отвечал на сочувственные вопросы и покорно внимал советам — даже подержал за щекой ложечку чистого бренди. Выправив ситуацию, Поллок проявил большой интерес к частному коммерческому предприятию капитана — торговле заморскими редкостями. А тот, успокоившись, вновь принялся в подробностях описывать голову поро. В продолжение всего разговора Поллок боролся с навязчивой идеей, будто пароход прозрачен, как стекло, и он отчетливо видит у себя под ногами капитанскую каюту, и заброшенное кверху лицо, и страшный неотступный взгляд.

Короче говоря, на пароходе Поллоку пришлось чуть ли не тяжелее, чем в Сулиме. Днем нужно было постоянно сдерживаться, чтобы не выдать себя, хотя голова поро занимала все его мысли и повсюду ему мерещилась. По ночам его изводил прежний кошмарный сон, возвращавшийся снова и снова, пока Поллок отчаянным усилием воли не заставлял себя проснуться — с ощущением, что в горле застрял беззвучный хриплый крик и все тело парализовано страхом.

В Батерсте Поллок пересел на пароход до Тенерифе, оставив позади реальную голову поро, но не свои ночные кошмары и ноющую боль в костях. В Тенерифе Поллок снова пересел — на кейптаунский лайнер, — однако мертвая голова не оставляла его в покое. Он пробовал отвлечься на карты, попытался освоить шахматы, даже начал читать книжки, хотя от выпивки благоразумно воздерживался. Все впустую — в любой округлой тени, в любом темном шарообразном предмете, попавшем в поле его зрения, ему чудилась голова: он ясно *видел* ее! Поллок хорошо понимал, что его предательски обманывает собственное воображение, тем не менее иногда ему казалось, будто и судно, на котором он плывет, и пассажиры, и матросы, и бескрайний океан — будто все это лишь жиденькая, призрачная завеса между ним и адской реальностью; а колдун-поро, то и дело просовывающий сквозь завесу свое дьявольское лицо, и есть реальность, единственная и неоспоримая. Тогда Поллок вскакивал

и начинал ощупывать первые попавшиеся предметы, пробовать что-то на вкус или на зуб, подносить к руке горящую спичку или колоть себя иголкой.

Так, в непрерывной молчаливой борьбе со своим воспаленным воображением, Поллок достиг берегов Англии. Он сошел с корабля в Саутгемптоне, на поезде доехал до Лондона и с вокзала Ватерлоо отправился кебом прямо в Корнхилл — уладить дела в банке. И пока он наедине беседовал с управляющим, отрезанная голова, словно экзотическое украшение, свисала с каминной доски из черного мрамора, роняя на решетку капли крови. Поллок своими ушами слышал приглушенный стук капель и своими глазами видел красные потеки на решетке.

— Красивый папоротник, — одобрительно кивнул управляющий, проследив за его взглядом. — Правда, из-за него решетка быстро ржавеет.

— Очень, — обрадовался Поллок, — очень красивый папоротник! Да, кстати... Вы не посоветуете мне доктора... специалиста по нервным расстройствам? У меня случаются... как это?... галлюцинации.

Голова зашлась в диком хохоте. Поллок удивился, что управляющий ничего не замечает. А изумленный управляющий не сводил глаз с его лица.

Записав адрес доктора, Поллок вышел на Корнхилл-стрит. Кебов было не видно, и он пешком пошел на запад, в конец улицы, где попытался перейти через дорогу на оживленном перекрестке возле резиденции лорд-мэра. Задача, надо сказать, не из легких даже для бывалого лондонца — кебы, грузовые и почтовые фургоны, кареты, omnibusы текут там нескончаемым потоком; для вновь прибывшего из малярийного безлюдья Сьерра-Леоне разобраться в этой кутерьме и не сойти с ума практически невозможно. Но если ко всему вышеперечисленному прибавить скачущую, словно каучуковый мяч, голову, которая лезет вам под ноги и оставляет на земле алые пятна крови, надеяться на благополучный исход тем более не приходится. Стараясь не наступить на чертову башку, Поллок прыгал то на одной ноге, то на другой и наконец в бешенстве пнул ее. В сле-

М 65 **Мистические истории. Похищенные сердца** : рассказы, повести / пер. с англ. С. Антонова, В. Ахтырской, Л. Бриловой и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 928 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27312-2

В антологию произведений британских, североамериканских и австралийских писателей XIX–XX веков вошли повести и рассказы о темных сверхъестественных силах, незримо присутствующих в окружающем мире, и об опасных контактах с ними простых смертных. Авантюристы-чернокнижники, жаждущие обрести запретное знание, власть и богатство и вступающие в союз с дьяволом, древние клады, упорно хранящие свою потаенность, и столь же древние экзотические культы, сулящие беду своим новоявленным adeptам, седые ведьмы, бормочущие глухими ночами зловещие заклинания в уединенных местах, и лукавые фейри, подстраивающие людям коварные, а подчас и гибельные ловушки, — таков репертуар сюжетов предлагаемого читательскому вниманию тома. Среди авторов книги — всемирно известные писатели (Натаниэль Готорн, Томас Гарди, Брэм Стокер, Герберт Уэллс), признанные мастера готической новеллистики (Джозеф Шеридан Ле Фаню, Монтегю Родс Джеймс, Уильям Фрайер Харви, Элджернон Блэквуд, Эдвард Фредерик Бенсон) и незаслуженно забытые ныне прозаики, такие как Германи Темплтон Каванах, Кливленд Лэнгстон Моффетт, Кристофер Блэр и Роджер Патер. Некоторые рассказы представлены в новых переводах или впервые переведены на русский язык.

УДК 821.111+821.111(73)+84(94)
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)+84(8Авс)

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ ПОХИЩЕННЫЕ СЕРДЦА

Руководитель проекта Сергей Антонов
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Нина Писковитина, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.02.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 56,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-36318-01-R